

12+

A portrait of a young woman with long, dark, wavy hair, looking directly at the camera with a neutral expression. She is wearing an off-the-shoulder, golden-brown historical dress with white lace trim and orange ribbons. The background is dark with faint, illegible cursive handwriting. In the bottom right corner, there is a small, glowing yellow flame icon.

Ратникова Дарья
Мисс Лодж

Дарья Ратникова Мисс Лодж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64314076

SelfPub; 2021

Аннотация

Мэри посчастливилось привлечь внимание молодого человека. Ещё не любовь, но уже и не равнодушие. Но молодой человек внезапно исчез, а несчастный случай изуродовал её лицо. Теперь она носит вуаль и не появляется в свете. И всё так же грезит о любви, которая способна преодолеть даже уродство.

Содержание

Пролог	4
Часть 1 Глава 1	48
Глава 2	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Дарья Ратникова

Мисс Лодж

Пролог

Правдивая история миссис Луизы Лодж, важная для понимания поведения сей женщины по отношению к своей дочери(бонус).

В отцовском доме было невыразимо скучно. Мисс Луиза Бентам сидела и вышивала. Достойное занятие для молодой барышни, двадцати лет от роду. Отец и матушка считали, что Луиза должна заниматься только тем, что приличествует девушке её сословия – то есть почти ничем. Бедная Луиза изнывала, сидя дома, так далеко от столицы. Здесь, в М. даже появление полка солдат или нового джентльмена – чьего-то брата или кузена обсуждалось долго и со всеми подробностями. Луизе же такие сплетни были совсем не по вкусу. Как девушка честолюбивая, она до самозабвения мечтала добиться в жизни неких высот, выйти замуж обязательно за принца или герцога. И случай, как всегда это бывает в жизни – представился, правда совсем не такой, как ожидалось.

Погожим летним днём мисс Бентам с тётей направлялись вдоль Грув стрит к пансиону благородных девиц, известных

на весь М. В нём училась дальняя родственница тёти, то ли троюродная племянница, то ли что-то вроде этого, круглая сирота. Луиза любила посещать этот пансион и беседовать со своей сестрой, как она это называла. Та была девушкой милой, неизбалованной и довольно смелой на проказы. Они часто гуляли вместе в саду пансиона. Лизбетт (так звали девушку) просила придумать Луизу новые шалости, а та охотно ей потворствовала. Она чувствовала себя при этом покровительницей бедных и обездоленных, ощущая ещё некое, помимо возрастного, превосходство.

Вот и сегодня Луиза предвкушала весёлый разговор, как вдруг из ворот пансиона навстречу им выбежал молодой человек. Он был высок, красив и замечательно сложен. И мисс Бентам определённо его до этого не видела. Они почти столкнулись в дверях. Молодой человек покраснел и, извинившись, убежал. А Луиза решила выведать у Лизбетт, каким чудом этого юношу занесло сюда.

– Ах, Лу, мадам Гросс говорила с ним сегодня. Я точно не могу сказать, кто это, но, думаю, что её племянник – Генри Бронли. Но я обязательно всё узнаю. Он действительно очень милый молодой человек. Настолько милый, что даже дразнить его абсолютно не хочется.

– Спасибо Лиз, я буду тебе очень благодарна.

Через несколько дней, как ни странно, Лизбетт всё же выяснила, что этот юноша – действительно племянник мадам Гросс – старой француженки, осевшей в М. учительницей в

пансионе. А ещё мистер Бронли приходил к своей тётушке в пансион, где та была на полном проживании, почти каждый вечер. У Луизы почему-то никак не выходил из головы его образ. Наконец, она осмелилась, и под каким-то предлогом, оставив тётю и Лизбетт в саду за разговором, проскользнула к выходу из пансиона. Мистер Бронли как раз должен был прийти. Но, действительно увидев его, выходящего из-под арки Грув стрит, она чуть не лишилась чувств. Воображение сыграло с ней страшную шутку.

Но мистер Бромли скоро поравнялся с ней, и Луиза решилась на отчаянный шаг – она сделала вид, что споткнулась.

– Мисс, вы не ушиблись? – Молодой человек бросился к ней. Интересно, он узнал её?

– Нет-нет, что вы! Просто немного испугалась.

– Вас проводить?

– Да, будьте так любезны. Моя сестра живёт в пансионе, и мы с тётёй приехали навестить её.

Генри представился и Лизбетт и тётушке, получив массу комплиментов, вздохов и благодарностей за спасение Луизы. Через пару минут они разговаривали с ним уже как со старым знакомым. Прощалась мисс Бентам с ним уже как со старым знакомым. А тётушка даже пригласила его в гости. Луиза чуть не прыгала от радости – теперь они смогут видаться у тётушки, и не надо выдумывать для этого предлог. Она старалась не думать о том, что скажут отец и матушка и была просто очарована мистером Бронли.

Генри оказался умным и начитанным молодым человеком, как раз таким, о каком и мечтала мисс Бентам. Ей не повезло родиться единственным ребёнком в семье. С детства она была окружена огромным количеством нянь и гувернанток, которые следили за каждым её шагом и предупреждали каждое её желание. А запреты строгого отца и поучения матушки сделали из неё ту, коей она и являлась в двадцать лет – умной, хитрой и достаточно эгоистичной особой, которая впрочем, к её чести, всё-таки мечтала о великой любви. Прагматизм в ней отсутствовал начисто. Воспитанная на пустых любовных романах, Луиза мечтала о любви и о счастье, обо всём том, чего она не видела в ровных отношениях своих родителей. Ведь её отец называл мать только миссис Бентам, а мать его соответственно – мистер Бентам. И больше ничего – никакой нежности, никакого огня в глазах. О, любовные романы! В скольких юных головках благодаря вам поселилась чепуха из кокетничанья, томных вздохов и воздушных поцелуев!

Через пару встреч Луиза призналась себе, что влюблена в Генри. Остроумный и живой молодой человек покорял всех, с кем общался. Правда, был в нём один изъян, один недостаток, который, по мнению мисс Бентам, однако только подчёркивал его хорошие качества – мистер Бронли был слишком нерешителен. Он со смехом рассказывал, как не мог выбрать, на кого ему пойти обучаться, пока отец не заставил его стать клерком.

Луиза почти каждый день ходила к тётушке, на другой конец их маленького городка, чтобы вернуться домой окрылённой, храня в памяти взгляд и улыбку Генри. Она понимала, что рано или поздно отец и мать всё равно узнают о нём, но, как девушка, живущая сегодняшним днём, не задумывалась об этом. Всё решится как-нибудь само. Кто, видя Генри, сможет устоять перед его обаянием и тактом? Ну и что, что мистер Бронли всего лишь бедный конторский клерк из незнатного рода? Но, ведь клерк – это звучит так возвышенно и благородно!

И когда разразилась буря, мисс Бентам, как водится, оказалась к ней, конечно же, не готова. Луиза вернулась сегодня позже обычного. Окрылённая, с радостной улыбкой на губах, она буквально влетела в гостиную родительского дома, и чуть не врезалась в высокую фигуру отца.

– Луиза, до меня дошли некоторые слухи...

– Ах, папенька! – Мисс Бентам прижала руки к груди, чувствуя, как бешено колотится сердце. Она боялась отца, всегда боялась...

– Так, сядь прямо, передо мной. Молодец! Колени вместе. И расскажи, правдивы ли эти слухи, будто ты встречаешься в доме у Сюзанны с неким молодым человеком.

– Да. И Генри замечательный человек, – решила пойти ва-банк Луиза. – Он остроумный, добрый, честолюбивый, и ещё обязательно добьётся успеха.

– А кто он по положению в обществе? Кто его родители?

Ты знаешь?

– Он – конторский клерк.

– Конторский клерк! – Ужаснулся отец, а потом, помолчав, всё же продолжил. – Я думаю, ты понимаешь, что брак между вами был бы огромным мезальянсом.

– Но, папа! – мисс Бентам покраснела. – Ты же не хочешь, чтобы твоя дочь была несчастлива.

– Ты думаешь, что знаешь, что такое счастье? – Улыбнулся отец. – Счастье прежде всего состоит из долга, в том числе и перед твоими родителями. Мы с твоей матушкой счастливы, хотя и женились, не видя друг друга.

Луиза поджала губы. Счастливы они, как же. Видят друг друга только по вечерам в гостинной. Нет уж, она так жить не намерена! Генри будет развлекать её с утра до ночи, целыми днями. Благодаря её состоянию, ему даже не придётся работать клерком. В любом случае, слушать отца она не собирается!

Прошло несколько дней. Отец молчал, словно ждал чего-то. Луиза пользовалась этим, чтобы беспрепятственно встречаться с Генри. Тётушка, сама старая дева, особа донельзя романтическая, обычно уходила к себе в комнату, не мешая им разговаривать с глазу на глаз. Хоть кто-то будет на её стороне, когда она решится выйти замуж за Генри! Но мистер Бронли молчал, не делая никаких намёков. Луиза, правда, замечала его взгляды, бросаемые на неё украдкой, но

более ничего. И тогда она решила сама сделать первый шаг.

– Мистер Бронли, думаю, я скоро уеду, – она произнесла это таким печальным голосом, что Генри встал и подошёл к ней. – И мы уже не сможем с вами видеться. На зиму бабушка собирается отвезти нас с матушкой в Лондон, к семье своего брата. И вернёмся мы, наверное, лишь к следующему лету.

Это было отчасти правдой. Отец много говорил о возможности такой поездки, но пока ещё ничего не было решено точно.

– Это очень печально, – голос Генри звучал и, правда, печально. – Без вас городок словно опустеет.

– Почему же? – Луиза опустила глаза в пол, словно смутившись. Она действительно отчасти чувствовала смущение.

– Ну... – Генри замялся. Луиза подняла свои прекрасные глаза на него с мольбой, и юноша не устоял. – Потому что я люблю вас.

– Я вас тоже. Но, боюсь, мой отец скоро запретит нам видеться. Он имеет некое предубеждение против конторских клерков, да и клерков вообще. – Мисс Бентам сказала эти слова с таким печальным и пленительным видом, что мистер Бронли не выдержал и, взяв её за руку, начал успокаивать, говоря какие-то невразумительные слова. И куда только делось его остроумие? Но Луиза была в восторге. Она любима! Она так и знала! Надо просто было Генри немного подтолкнуть.

Через полчаса влюблённые разошлись, поклявшись друг другу в вечной верности. А дома мисс Бентам ждал отец.

– Луиза, дорогая, я запрещаю тебе видеться с этим клерком! – Произнёс он прямо с порога.

– Но отец!

– Никаких но! Ты хоть знаешь, кем был его дед? И за какие провинности его отец теперь томится в долговой тюрьме, а сыну приходится жить на зарплату своей тётушки, потому что ни на что путное твой клерк не способен. Пойми, слабование, это у них родовая черта.

– Нет! Генри не такой! – Луиза упрямо покачала головой, едва сдерживая слёзы.

– А я тебе говорю, что такой. Послушай хоть раз отца, упрямая девица!

Но Луиза в ответ только покачала головой.

– Не хочешь? Значит тогда поступим так – с Сюзанной видеться я тебе запрещаю. И вообще, теперь за каждым твоим передвижением будет наблюдать новая гувернантка.

– Папа я уже выросла для гувернанток! – Возмутилась до глубины души мисс Бентам, забыв на мгновение про слёзы и горе.

– Ничего, мадам Феми не будет тебя учить. В её обязанности входит только присматривать за тобой, – и отец махнул рукой, показывая, что разговор закончен, и она может идти в свою комнату.

Луиза поняла, что ничего больше не добьётся, и тихо вы-

скользнула из гостиной, оставив отца задумчиво созерцать пламя в камине.

Ничего, она обязательно что-нибудь завтра придумает.

Но ни завтра, ни через пару дней, никаких изменений не предвиделось. Мадам Феми оказалась коренной французенкой, стойкой как камень. Когда заходила речь о том, чтобы Луизе пойти одной на прогулку, или посодействовать её встрече с Генри, она делала вид, что не понимает, что ей говорят. Когда мисс Бентам, в отчаянии, переходила на французский, мадам Феми махала руками и отвечала, что её французский вообще никто не сможет понять, и уж тем более она – коренная французенка.

Луиза была в отчаянии, когда кстати подвернулся случай, тот самый, о котором она не смела даже и мечтать, изнывая от опасения за Генри. Вдруг, не дождавшись от неё весточки, он решил, что она его (невероятно даже подумать о таком!) разлюбила. В гости к Бентамам приехала тётушка Сюзанна. Начались ахи-вздохи, долгие приветствия и объятия. Отец смотрел на неё с подозрением, но тётушка вела себя чинно, и он постепенно расслабился. Тогда же, приобняв её, тётушка зашептала:

– Луиза, я догадываюсь, что отец не понимает тебя и против вашего с Генри брака. Карл всегда был таким прагматичным человеком, – и тётушка даже натурально всхлипнула, а потом зашептала. – Хочешь, я передам твоё письмо

мистеру Бронли? Я знаю – вы будете счастливы. Ты должна быть счастлива, моя девочка, в отличие от меня и от твоего несчастного дяди.

Луиза горячо закивала в ответ. Тётушка, довольная, ото-двинулась от неё, показывая, что ждёт письма, а мисс Бентам попыталась вспомнить что-то о дяде. Про дядю Сильвера ходили разные слухи. Но отец не подтверждал, но и не отрицал их. Они вообще старались не упоминать его имя. И Луизу это всегда удивляло – как же так – выкинуть из памяти родного брата. Но, то, что она слышала о нём, помогало ей наполовину понять отца. Дядя сбежал в Америку, на золотые прииски. Вёл там жизнь разгульную, проматывая свою часть наследства, потом через несколько лет, без денег, вернулся домой, в родное гнездо. Но родители отказали ему от дома, тогда он занялся картами, и вскоре стал заядлым игроком, а потом и вовсе пристрастился к выпивке. Луиза знала, что из всей семьи, дядю жалела лишь тётя, которая помнила его маленьким прелестным мальчиком.

Мисс Бентам вздохнула. Нет, судьбы дяди она точно себе не желала, но и остаться старой девой, как тётя, она тоже не хотела. Надо брать всё в свои руки. Пока отец и тётя Сюзанна разговаривали, она улучила момент, и, незамеченной, выбралась из гостиной. Потом поднялась к себе в комнату, достала перо и чернильницу, чистый лист бумаги и начала писать пространное письмо к Генри, перемежая его уверениями в вечной любви и фразами, почерпнутыми из романов.

Они, пожалуй, смотрелись довольно глупо, но Луиза не понимала этого. Потом, наскоро запечатав письмо, она бросилась вниз, в гостиную, перепрыгивая через несколько ступенек. Увидев её, тётя отошла к окну, сказав что-то отцу. Мисс Бентам, как бы невзначай, подошла к ней, а потом выронила письмо тётя в руки. Всё было обыграно в лучшем виде.

Через пару минут тётя распрощалась с ними, шепнув Луизе на ушко, что передаст письмо Генри при первой же возможности, а потом сообщит ответ. И мисс Бентам, воодушевлённая осталась ждать ответа.

И через некоторое время, тётя под небольшим предлогом, снова заглянула к Бентамам. На этот раз уже отец посмотрел на неё с подозрением, но ни в чём уличить не смог. А тётя передала краткий ответ Генри Бронли:

«Дорогая Луиза, я тоже очень сильно люблю тебя и клянусь любить вечно, однако, как видишь, обстоятельства не позволяют нам быть вместе. О, если бы только можно было, как-то тайно обвенчаться, клянусь, я с радостью бы сделал это.

Твой Генри Бронли»

Луиза несколько раз перечитала письмо, а потом вздохнула от досады. Генри такой нерешительный! Ко всему его надо подталкивать. Она написала проникновенное письмо в ответ, что решительно умрёт без него, и что отец, злодей и тиран, не даёт им свидеться. В письме она недвусмысленно намекала на побег. Мисс Бентам достаточно смутно осозна-

вала последствия такого поступка, и что, узнай об этом, соседи, сплетней и толков не оберёшься. Она была девушкой решительной и, поставив себе цель, с гордо поднятой головой, следовала к ней. Она будет тогда уже замужем за любимым Генри, а родителя поругают-поругают, да простят нерадивую дочь и обязательно примут зятя. О менее удачном исходе она старалась не думать.

И Генри вскоре передал ей короткий ответ с тётушкой: «Завтра в шесть часов вечера будь у пансиона на Грув стрит. Я буду ждать тебя в экипаже, на углу. Твой Генри». Луиза вскочила, радостно потирая руки. Ей хотелось петь и танцевать. Да! Завтра она будет женой Генри. Всего лишь через каких-то несколько часов. Осталось чуть более суток. И потянулось томительное ожидание...

Наутро завтрашнего дня Луиза так нервничала, что не смогла съесть ни крошки. Она отказалась выходить из своей комнаты, ссылаясь на недомогание и лихорадочно размышляя над тем, что ей взять с собой в новую, замужнюю, как она думала, жизнь. Шляпка. Нет не та, а вот эта, зелёная. Платье в горошек, нет вон то, батистовое. В конце-концов, она аккуратно уложила все вещи обратно, сообразив, что если она выйдет на вечернюю прогулку в каком-то другом платье, матушка тут же забьёт тревогу. А ещё гувернантка... Как отделаться от гувернантки?

Но и тут его величество случай, всё расставил по местам.

К обеду у мадам Феми начался жар. Она слегла. Матушка послала за доктором. Началась суета. Зацокали копыта экипажа, забегали кучера. Но Луиза думала только о себе. Она не волновалась за мадам Феми и думала даже в какой-то мере злорадно, что так этой гримзе и надо, чтобы не совала нос в чужие дела. И в тот момент, когда доктор решал судьбу гувернантки, а матушка договаривалась с сиделкой об оплате, Луиза выскользнула с небольшим саквояжем из дома, пробралась чёрным ходом к потайной калитке в саду и, открыв её, быстрым шагом направилась к пансиону. Генри не будет ждать.

На улицах в это время былолюдно, а мисс Бентам любила городскую суету. Ей было бы больше по душе блистать на балу в Лондоне, чем сидеть в этой глуши. Тем более, что их дом стоял достаточно далеко от главных улиц. Когда Луиза почти бегом добралась до пансиона, было уже без двух минут шесть. И Генри ни в экипаже, ни без него на углу Грив стрит не наблюдалось. Запыхавшаяся мисс Бентам наконец остановилась. Растерянно оглядываясь по сторонам, она не знала, что ей теперь делать. Кажется, Генри опаздывает. Прошло пять минут, потом десять, но его так и не было. А самым неприятным в этой ситуации было то, что она не знала, где он живёт. Мистер Бронли всегда приходил к тёте домой, либо они встречались в пансионе. А теперь его не было, и она ничегошеньки не могла с этим поделать!

Небо затянуло тучами, начал накрапывать мелкий дож-

дик. Сильные порывы ветра разогнали даже стайку уличных мальчишек, гонявших мяч во дворе одного из домов. А Генри всё не было. И ни записки, ни знака. Луиза придумывала всякие напасти, которые могли помешать мистеру Бронли приехать. Может быть, он лежит в своём доме больной, или даже при смерти и никого, совсем никого нет рядом, чтобы ухаживать за ним? О, Боже! Она должна, даже просто обязана узнать, где живёт Генри. В пансионате сейчас шли занятия, и Луиза тщетно ходила под окнами, надеясь привлечь внимание Лизбетт. К тому же она не знала точно, в каком из кабинетов сейчас занимается сестра. Мисс Бентам уже вымокла и продрогла, пытаясь укрыться под деревом от проливного дождя. Вечерело. Скоро станет уже совсем темно, и отец с матушкой хватятся её. Да, не такой она представляла собственную свадьбу!

Наконец, ей улыбнулась удача. Окно на первом этаже пансиона открылось и оттуда высунулась растрёпанная голова Лизбетт.

– Девочки, вы только посмотрите, какая красота – летний ласковый дождик, – и она почти наполовину высунулась в окно, подставляя дождю голову, плечи и руки.

– Ты, право, дурочка! – Услышала Луиза такое нелестное высказывание от девочки, стоявшей за спиной Лизбетт. Кажется, сестра обиделась и собралась уже вернуться в класс, чтобы покарать обидчицу. Тогда Луиза решила – если уж начинать какое-то дело, так идти до конца.

– Лизбетт! – Тихо позвала она. Сестра не услышала, тогда она позвала громче.

– Кто там? О, Боже! Луиза – вы? Что же случилось?

– Тихо! – Прервала мисс Бентам её речь, состоящую из одних восклицаний. – Ты не можешь узнать, где живёт мистер Бронли?

– Что-то случилось? – Лизбетт взгляделась в расстроенное лицо сестры.

– Не важно, – уклончиво ответила Луиза. – Просто ненавязчиво поспрашивай про него. Я подожду.

Лизбетт скрылась в классе, оставив раскрытое окно, из которого до мисс Бентам доносились весёлые девичьи голоса. Оставалось только терпеливо ждать. А дождик, казалось, зарядил надолго. Скоро зубы у Луизы стали выбивать чечётку, а руки и ноги противно замёрзли. Но она всё-таки дождалась того момента, когда из окна высунулась симпатичная головка Лизбетт. Тонкий девичий голосок быстро проговорил:

– Мне не удалось узнать, где живёт мистер Бронли. Но мадам Гросс говорит, что он сегодня целый день занят на работе. Конторы, где он работает, находятся вон там, два квартала за Грув стрит. Я как-то была там с тётей Сюзанной. А что, точно ничего не случилось? – Добавила девочка, глядя на печальное лицо Луизы.

– Нет-нет. Всё хорошо. Я, пожалуй, пойду.

И она действительно пошла, гадая, что произошло. Может ли быть так, что Генри заставили работать до поздней

ночи? А может он вообще забыл про неё? Эта мысль была такой новой и такой невероятно пугающей, что сердце заби-лось быстрее. словно жаркая волна окатила и согрела вмиг. Да нет! Это невозможно! Но меч уже был занесён, и то, что должно – вот-вот свершится. Хотя, кто скажет, какая доля в случившемся, вины самой Луизы?

Ковыляя с трудом, замёрзшая, мокрая, на негнущихся но-гах по тёмным улицам, мисс Бентам боялась одного – быть найденной отцом до того, как она всё узнает и выяснит. Но в сердце поселилось тоскливое беспокойство. Было очень тя-жело и словно бы пусто, где-то в груди. Она подошла к кон-торе. Старый, облезлый домик в несколько пролётов. Только в нём горел свет, да ещё одинокие фонари освещали путь.

Она зашла внутрь. Раньше никогда Луизе не приходи-лось бывать в таких местах. Обшарпанная лестница, залитая краской, стены с облезлыми обоями. Может отец всё же был прав? Нет! Её Генри не может поступить плохо! Она посту-чала. Послышались шаги, дверь отворилась, и в проёме воз-ник бедно-одетый мужчина с мышинными волосами и острым носом. Он испуганно озирался по сторонам.

– Что вам, мисс? – А его глаза так и бегали, словно он не мог больше секунды смотреть в одном направлении.

– Мне нужен мистер Генри Бронли, – чуть ли не по сло-гам произнесла Луиза, не заботясь о том, какое впечатление производит.

– А, Генри, – человек выдавил подобие улыбки на своём

лице. – Так он уже часа три, как дома. У него нынче короткий рабочий день.

– Дома? – Оторопело переспросила мисс Бентам.

– Конечно. Вон там его дом, в конце улицы. Напротив него как раз фонарь не горит. Говорят, даже фонарь отключили за долги папаши Бронли. Шутят, наверное.

– Наверное, – машинально ответила Луиза, а потом попрощалась и направилась вниз по улице, к дому Генри. В таком холоде, живя и работая в этой дыре, не мудрено заболеть. Но к чести девушки, она сейчас вовсе не думала о себе, опасаясь только несчастья с её любимым. Может быть, он так же беспокоился о ней и передал записку тётушке. Но, однако, как нехорошо получилось!

Через несколько минут, усталая и совсем замёрзшая, Луиза постучала в дверь дома, в котором должен жить Генри. Сердце забилось быстрее. Через несколько томительных минут, дверь открылась. На пороге стоял слуга, одетый в старую, давно не стираемую, местами порванную одежду.

– Да, мисс?

– Мистер Генри Бронли дома?

– А вы не мисс Луиза Бентам? – Вопросом на вопрос ответил он.

– Да, это я, – а сердце Луизы забилось сильнее от радости. Значит Генри не забыл её, значит просто с ним что-то произошло.

– Ох, простите. Хозяин просил передать вам записку и от-

нести к пансиону. Да что-то приболел – суставы перед дождём прихватило. Но она и посейчас со мной. Вот, держите, – и слуга передал ей кусочек бумаги. Она развернёт и прочтёт его попозже. Но зачем записка тому, кто сейчас дома? Или, может, с ним что-то случилось... Она не знала, что и думать.

– Простите, а разве мистера Генри нет дома?

– Нет. Вот давеча часа три как пришёл с конторы. Собрал в спешном порядке свои вещи и уехал куда-то. Оставил лишь эту записку для вас.

Закусив губы, чтобы не расплакаться, Луиза быстро развернула записку. В ней почерком Генри было написано:

«Милая Луиза, я надеюсь тебе не придётся долго ждать меня. Мой дворецкий, Боб, должен передать тебе эту записку ровно в шесть часов вечера. Прошу прощения за беспокойство, доставленное мною. Я буду вечно любить тебя, но, думаю, нам лучше расстаться. Я не пара тебе. Твой отец, конечно, прав. Прости меня. Я уезжаю из города в надежде найти свой путь в жизни. Когда-нибудь, я разбогатею и ты ещё обязательно услышишь обо мне. Тогда я приду к мистру Бентаму и попрошу твоей руки. А пока – прощай.

Твой Генри Бронли»

Луиза пошатнулась и упала бы на мостовую, не схватись она машинально за прутья забора. Потом она подняла голову. Дворецкий смотрел на неё с каким-то странным удивлением. Но ничего этого не существовало для неё более. Ни-

чего. Как она будет жить без Генри? Её великую любовь предали и растоптали. Ах! Что ей теперь делать?

Она медленно побрела вниз по улице, всё дальше и дальше от дома Генри. Она шла и шла, пока не столкнулась с кем-то.

– Бог мой, Луиза! Мистер Бентам с ног сбился, ищет тебя. А ты тут гуляешь. Как ты хоть здесь оказалась. Что с тобой? Да ты вся дрожишь! – Строгий седой джентльмен выпалил эти несколько предложений на одном дыхании, что никак не вязалось с его простой и спокойной внешностью.

– Мистер Стакхем!

– Он самый, милая. А теперь пойдём ка домой.

И Луиза, не раздумывая пошла за мистером Стакхемом. Это был давний друг семьи, нотариус. Он часто заходил к ним. Помогал отцу со вступлением в наследство, поддерживал и утешал, когда случилась эта ужасная история с дядей Сильвером. Они вместе ездили охотиться на фазанов и куропаток.

Когда мистер Стакхем привёл Луизу домой, отец с матушкой отложили все распросы до времени, уложили её в постель и вызвали доктора. А мисс Бентам, едва коснувшись головой подушки, провалилась в какое-то жуткое забытье без снов и мыслей.

Прошло казалось всего пару минут, а она уже проснулась. Голова болела, во всём теле чувствовалась слабость. Она пошевелилась и застонала.

– Фредерик, Луиза очнулась!

Мисс Бентам попыталась открыть глаза и застонала. Болело всё тело. Что с ней произошло? Память услужливо подсунула невесёлые воспоминания о мистере Бронли и она застонала ещё сильнее, только на этот раз от душевных мук. Когда голова перестала кружиться, она рассмотрела, что лежит на кровати в своей комнате, а вокруг неё, со слезами на глазах сидят и мать, и отец, и мистер Стакхем, и доктор, и даже тётушка Сюзанна.

– Что со мной случилось? – Спросила она, с удивлением на них глядя,

– Ох, и напугала ж ты нас! – Отец улыбался, но смотрел сурово. Луиза понимала, что как только она выздоровеет, он выскажет ей всё, что думает. Ах, папа, не бреди свежую рану!

– У вас, мисс Луиза, было воспаление лёгких, – доктор тоже улыбался, только глаза были серьёзные и смотрели немного грустно. – Скажите спасибо мистеру Стакхему. Найди он вас на пару часов позже, и, возможно, было бы уже слишком поздно.

И доктор покачал головой.

– Сколько я болела?

– Неделю вы были в беспмятстве.

– Неделю?

Она же вчера видела этот полутёмный дворик и читала записку от Генри. Где же теперь она? Конечно, платье было

выстирано. А записку, наверняка выкинули. Как же ей теперь жить без Генри. Она застонала и отвернулась на другой бок, закрыв глаза, словно показывая, что она хочет поспать и не желает, чтобы её кто-то тревожил.

Но болезнь не могла продолжаться вечно. И рано или поздно, но Луизе всё равно пришлось бы встать с постели и встретиться с отцом. Поэтому она небезосновательно сделала вывод, что притворяться бессмысленно, оделась и сошла в гостиную. Отец был там, лёгок на помине.

– Луиза, я хочу поговорить с тобой и, думаю, ты знаешь, чем вызвано такое моё желание.

– Ну... – замялась мисс Бентам. Врать не хотелось, но и сказать, что она догадывается, значило бы признать свою вину. А она на такое не пойдёт. В конце-концов, это родители виноваты, что не разрешили им с Генри видеться. После долгой болезни и самоутешения, Луиза даже поверила в иллюзии, которые сама себе создала. В конце-концов, Генри не предал её. Он лишь поклялся в вечной любви и пожелал ей счастья. Он не предал её. Её принц из романов не может предать!

– Так вот. Когда ты так бессердечно сбежала, оставив мадам Феми в состоянии между жизнью и смертью, мы не сразу хватились тебя. Но записка от этого негодника Генри, которую ты обронила, расставила всё по своим местам, – Луиза при этих словах прижала руки к груди, пытаясь усмирить

бешено бьющееся сердце. Она обронила! – Мы тут же бросились тебя искать, молясь, чтобы не было поздно. Но, слава Богу, такого позора не случилось. Правда сплетней хватит и с того, что тебя видели в квартале, где обитают одни рабочие, да клерки. И поверь, судачить об этом будут ещё очень долго.

– Старым сплетницам лишь бы почесать языки, – с презрением ответила Луиза.

– Может и так. Но зачем им давать такой повод? Но я надеюсь, больше такого не повторится. А чтобы удержать тебя от отчаянного шага, хочу передать тебе весть, которая, боюсь, тебя очень опечалит. Мистер Генри Бронли женится. Богатая вдова, миссис Алонз, старше него на двадцать лет. Но для Бронли это единственный шанс покрыть долги отца и подняться в обществе. И, кажется, он своего не упустил. Уж в этом то он нерешительностью не страдает, по крайней мере.

Луиза слушала отца замерев. Сердце стучало больно, словно у старухи. На глаза опустилась пелена, колени задрожали. Но она быстро взяла себя в руки. Она не упадёт в обморок. Ни за что!

– Может быть, его заставили так поступить, папа, – уцепилась она за последнюю надежду, как за соломинку.

– Не думаю, – покачал головой мистер Бентам. – До меня дошли слухи, что он был помолвлен с ней уже давно. А клерком устроился лишь для того, чтобы доказать своей же-

не, что он тоже чего-то стоит и жениться на ней не ради денег. Пустая попытка, я тебе скажу. Потому что клерком он был никудышным.

Вот теперь жизнь была точно пуста и не имела смысла. Но Луиза вздохнула – раз, другой. Она подумает об этом потом. Они лгут про Генри. Так всегда бывает в любовных романах. Когда хотят разлучить героя и героиню, то ставят им на пути преграды и препятствия, а ещё лгут про них, отчаянно лгут.

А отец, видимо, понял её состояние, потому что нахмурился и произнёс:

– Я знаю, что ты девушка упрямая. Поэтому на некоторое время мы с матушкой пойдём на вынужденную меру. Ты поедешь в Брайтсдейл, с мадам Феми. Там недалеко, живёт сестра твоей матери. Вот она то и присмотрит за тобой, а ещё мадам Феми. Под их неусыпным надзором ты точно больше никаких штук не выкинешь.

– Но папа, я умру от скуки в этой усадьбе! – Взволнованно воскликнула Луиза.

– Никаких но! Это мера вынужденная, и если будешь себя хорошо вести, то через неделю другую мы разрешим тебе вернуться. А к тому времени и поездка в Лондон будет уже не за горами. А мадам Феми будет сообщать нам о твоём поведении. Никаких знакомств или занятий, не приличествующих девушке твоего класса!

– Но это же совсем глушь!

– Тем лучше для тебя! – Сурово ответил отец.

Луиза поняла, что плакать и умолять бесполезно. Остаётся только покориться. Только вот как ей там найти информацию о Генри и выяснить, правда ли он женится, или это лишь нелепая выдумка отца? Ничего, она что-нибудь обязательно придумает!

Утро встретило её долгими сборами. Матушка с каменным лицом провожала её, повторяя, что так надо, и давала кучу указаний мадам Феми на французском языке. Когда экипаж отъезжал от ворот усадьбы, Луизе стало по-настоящему плохо. Мысли о том, что её никто не любит, что она одна в этом мире начали своё преследование со всей возможной жестокостью. Казалось, что даже сам воздух давит, не давая дышать и радоваться жизни. Как и все эгоистичные люди, мисс Бентам не могла думать ни о ком, кроме своей особы. Если ей плохо, пусть всё хоть огнём горит. Главное, то, что значит она для себя и для всего мира в целом. И так, мучаясь одиночеством и усталостью, после долгой дороги, она наконец прибыла в Брайтсдейл.

Усадьба встретила её одиночеством и пустотой. Такой глуши она себе даже представить не могла. Мало того, Брайтсдейл стоял ещё и в стороне от деревни. И кроме общества деревьев, да цветов, иного общества и ждать не приходилось. Да и на что ей деревня? Замызганные грязные люди, все погрязшие в своей полевой работе, да пастор с кучей детишек. А где же балы? Где охота? Где пикники и поездки

на лошадях? Ничего, кроме унылого однообразного пейзажа за окном. Пока мадам Феми разбирала вещи, Луиза, гордо подняв голову, прошла мимо, переступила порог комнаты, которую определила как свою спальню, и громко хлопнула дверь. Пусть знают, что по доброй воле, она бы и дня не прожила здесь!

Но ей предстояла целая неделя, а то и больше тоскливого одиночества. Первый день был занят разбором и раскладыванием вещей, с которыми всё-таки она соизволила помочь мадам Феми. Второй день оказался распланированным встречами. Оказывается, тётя Бесси жила неподалёку, а рядом с ней стояло ещё несколько усадеб. И там, как ни странно, жили подходящие ей по статусу леди, с которыми она без зазрения совести (и намёков отца) могла так завести знакомство.

Тётушка Бесси была сухопарой старушкой в накрахмаленном чепце. Выглядела она намного старше матери и, как оказалось, была самой старшей сестрой в семье. Дети её разъехались и вышли замуж, муж умер, и ничего, кроме как греть свои старые кости, просиживая целыми днями возле камина, ей не оставалось. Матушка ни разу не приглашала её в гости, хотя тётя, наверное, было одинока. И Луиза сразу поняла, почему. У тёти Бесси был ужасный характер. Она была вздорной, острой на язык сплетницей. После первой же встречи выяснилось, что тётя знает всё про её неудавшийся побег с Генри. И острый язычок её поработал на славу. Луи-

за едва смогла уйти от неё, прикрываясь каким-то выдуман-
ным предлогом.

Стоя на улице, она пыталась с трудом успокоиться. Так и
хотелось сказать колкость в ответ. Но тётя сразу предупре-
дила её желания, словно прочитав мысли и сказала:

– Луиза, дорогуша, твоя матушка написала мне письмо
с просьбой следить за тобой и докладывать о каждом тво-
ём неблаговидном поступке. И уж не бойся, я такой шанс не
упущу, – и тётя засмеялась, зло и обидно, показывая встав-
ные зубы.

Тётю следовало бояться, если Луиза намеревается всё-та-
ки, как можно скорее вернуться домой. Что же ей делать
дальше?

Мисс Бентам немного постояла, а потом пошла в сторону
других особняков. Она нанесёт сегодня визит всем соседям
тётушки, благо у неё теперь много свободных дней. Мадам
Феми отпустила её к тёте Бесси в одиночку. А всё потому,
что тётя не желала видеть никаких французских гувернан-
ток. Она считала, что нанимать такую на должность – это
очень плохой вкус.

– А кем она была во Франции, дорогуша, твоя мама хоть
подумала? Может быть она работала там швейей и происхо-
дила из бедного крестьянского рода. Нет и нет! Она может
быть тысячу раз благонравной и воспитанной женщиной, но
я её видеть здесь не хочу. Пока я рядом с тобой, ничего слу-
читься не может.

И мадам Феми была оставлена дома, смотреть за розовым садом с прелестной беседкой, да заниматься менее интересными и более прозаичными заботами. Поэтому Луиза сегодня шла в гордом одиночестве. Она предупредила вчера соседей, что нанесёт им визиты. Экипаж нанимать не хотелось, а погода только благоприятствовала такой затяжной прогулке. И, конечно, ей не могло не улыбнуться счастье. В усадьбе Эрстон Холл, она познакомилась с миссис Эрфэкс и её двумя замечательными дочерями. Эмми было восемнадцать, а Маргарет оказалась ровесницей Луизы. Они сразу нашли общий язык. Девушки, хотя и были глуповаты и нерешительны, вообще произвели на мисс Бентам вполне приятное впечатление. Она даже пожелала рассказать им про Генри. И как выяснилось не зря. Стоило ей мельком обмолвиться, что по словам отца он помолвлен с некой миссис Алонзо, как девушки в один голос запищали, что они её знают. Это дальняя родственница их отца. И она действительно скоро выходит замуж и даже живёт неподалёку. Ну вот и возможность наконец-то всё выяснить! Сердце Луизы забилося от радости. Сейчас, сейчас, уже совсем скоро она узнает всё о Генри и опровергнет эту гнусную ложь.

На следующий день, она сказала мадам Феми, что идёт к тётушке. Та неохотно, но положила свою шляпку и плащ на место, пробурчав что-то неразборчивое про «старых злыдниц». В её исполнении это слово так смешно звучало, что Луиза не удержалась от смешка. Попрощавшись с мадам Фе-

ми, она действительно направилась к тётушке. Как чинная и благовоспитанная девушка, она зашла к ней, поприветствовала, проговорила четверть часа о погоде и её ревматизме и ушла, пообещав ещё забежать к ней сегодня и оставив тётушку в благостном настроении, которое у неё бывало довольно редко. Главной задачей Луизы было убедить тётю Бесси в том, что всё хорошо и она исправляется от своего вздорного и эгоистичного характера, как выразился её отец. Знал бы он ещё, что его дочь – большая притворщица, может быть и вовсе оставит дома, при себе, никуда не выпуская. Но он не мог этого знать.

Ещё вчера Луиза выведала у Маргарет, где живёт миссис Алонзо, точный адрес. Идти было далеко. Она не успеет вернуться к вечеру. Значит, следовало нанять экипаж. Хорошо, что отец выдал ей немного денег, на карманные расходы. Луиза наняла экипаж и попросила отвезти её к усадьбе миссис Алонзо.

Когда экипаж подкатил к аллее высоких буков, она дала кучеру деньги и попросила подождать её, а сама ловко спрыгнула и направилась к дому, который виднелся в конце аллеи. Дом был огромный, с претензией на роскошь, но видно было, что вкуса у его хозяйки не очень много. Хотя, может это и не её усадьба вовсе, а покойного мужа, кто знает? Она незамеченной прошла несколько шагов и остановилась почти перед самым домом, а сердце её забилося, как у пойманной птицы. Из парадной двери, под руку с женщиной средних лет,

выходил Генри, её Генри! Наверное, это как раз и была миссис Алонзо, хозяйка усадьбы. Она была очень богато одета, правда в траурный наряд. Одно платье на ней стоило целое состояние. Луиза почувствовала резкий укол зависти. Она бы тоже могла носить такое платье, если бы не отец. Он запрещал им с мамой, как он это называл – «ненужную роскошь». Хотя сам любил пустить «пыль в глаза» своим родственникам. Но неужели она пришла сюда только для того, чтобы посмотреть на то, как одета миссис Алонзо?

Луиза сжала губы и подобралась поближе к дому, чтобы слышать, что Генри говорит вдовушке. Они, как ни странно, облегчили ей задачу сами, сойдя с крыльца. Луиза, подобралась ещё ближе и спряталась за деревом, чтобы услышать их разговор. И, наконец, ей это удалось. Это был глупый любовный бред, в тех же словах и выражениях, какими обычно Генри говорил с нею. Он даже не смог придумать новых эпитетов, чтобы наградить ими предмет своей страсти. Миссис Алонзо, слушала его то краснея, то бледнея, как когда-то сама Луиза. А он... выглядел таким влюблённым...

– Миссис Алонзо, когда я сочту за честь назвать вас своей женой, то напишу вам целое море стихов.

– Будто вы умеете писать стихи, дорогой мой, – глупо улыбаясь, проговорила миссис Алонзо, зачем-то обмахиваясь веером, хотя погода стояла совсем не жаркая.

– Конечно, милая моя Лидия, – её звали Лидия. Фи! Луиза с детства терпеть не могла это имя. Оно звучало так ста-

ромодно!

– Уж не на своей ли возлюбленной ты так натренировался в этом? Как бишь её звали? Луиза?

Мисс Бентам ухватилась за ветку дерева, чтобы не упасть. Миссис Алонзо знает про неё?

– Лидия, милая моя, ну это всего лишь невинный флирт, маленькое развлечение. Между нами ничего не было. Да и кто может влюбиться в Луизу. Ей уже сколько лет, а никак замуж не выйдет. А всё почему – потому что в красоте она намного уступает тебе. Ну вот посмотри – она такая бледная и невзрачная, а ты румяная. И этот траурное платье только оттеняет твою красоту, – и Генри наклонился и прижался губами к руке миссис Алонзо.

Невинный флирт! Развлечение! Она, аристократка до мозга костей, Луиза Бентам бледная и невзрачная по сравнению с этой морщинистой разукрашенной куклой! А она его искала, ходила по дождём по тёмным улицам. Она его ждала...

Луиза вышла из-за деревьев и направилась к влюблённым голубкам.

– Луиза... – побледневшими губами потрясённо выговорил мистер Бронли. Миссис Алонзо прижалась к нему, словно в испуге.

– Ненавижу тебя! – Выдохнула мисс Бентам, глядя в лицо Генри. А потом отвернулась и не слушая оправданий и возражений пошла прочь по алее, а потом побежала, всё быст-

рее и быстрее. Слёзы душили её. Хотелось лечь и умереть. А ещё больше душило осознание того, что отец был прав, и её предпочли какой-то безродной, старой, но невероятно богатой вдове. Глотая слёзы по пути к Брайтсдейлу, Луиза всё больше и больше замыкалась в себе. Её первую любовь предали и растоптали, её любимый оказался не тем, кем она думала. Значит, любви не существует вообще, значит жизнь пуста и бессмысленна. А раз так – какой смысл радоваться этому дню, бунтовать, что-то решать? Нет, пусть её несёт по жизни, как песчинку.

Когда экипаж привёз её домой, она была абсолютна спокойна. Ни следа слёз, ни тени улыбки, словно она превратилась в восковую куклу настоящей Луизы. Одна мысль стучалась в голове. Он отверг её ради другой, так почему же она должна доживать свои дни в одиночестве и мучиться и убиваться из-за этого? Она поедет завтра к отцу, независимо от желаний мадам Феми и скажет ему... Но что она скажет, мисс Бентам не успела подумать, потому что у крыльца слышался топот лошадей, дверь распахнулась, и вошёл отец собственной персоной.

– Луиза! Добрый вечер! – Он обнял её, не обратив особого внимания на то, что дочь стояла словно статуя, безмолвная и недвижимая.

– Добрый вечер, папа, – едва слышно, машинально ответила она.

– Мадам Феми и тётушка Бесси писали мне прекрасные

письма, где в один голос рассказывали, что ты одумалась и стала благонравной и скромной девицей. Я очень этому рад. Да что с тобой, скажи на милость? – Отец наконец разглядел впалые щёки и потухшие глаза, словно не узнавая свою дочь.

– Ничего. Голова немного болит, – солгала она. Мистер Бентам покачал головой, словно не веря, но промолчал. А Луиза внезапно с горячностью добавила. – Отец, я тут подумала. Вы с матушкой правы. Я хочу замуж, как можно скорее.

– Но почему... – Отец оторопел, а Луиза продолжила, словно боясь, что он передумает.

– Вы с мамой, наверное, уже присмотрели мне подходящего жениха, на ваш вкус.

– Но, милая, мы думали, что ты сама выберешь себе жениха, только равного тебе по рождению. Как раз на следующей неделе мы отправляемся в Лондон. Если у тебя есть желание, то ты можешь посетить с нами несколько приёмов, на которых нас пригласили. Там будут очень приличные молодые люди.

– Нет отец, я не хочу никого выбирать. Пусть будет так, как вы с матушкой решили. А вы ведь, наверное, кого-то уже выбрали.

– Ну... – замялся отец. Он не узнавал свою дочь. Строптивая обычно, сейчас она была само воплощение кротости. Не к добру это, наверное. – У нас с твоей матушкой есть на примете мистер Уильям Лодж. Он приятный молодой чело-

век, всего на несколько лет старше тебя, из старинного дворянского рода. У него есть поместье, доставшееся ему от отца по наследству, Блэкберри Холл.

– Вот и замечательно! Я согласна выйти за него замуж, – произнесла Луиза на одном дыхании. Зачем ей все эти балы и встречи? Всё это ложь и обман. И чем может Уильям или Джон отличаться от Генри? Только степенью лжи и лицемерия.

– Но милая, ты даже не видела его! – Отец смотрел на неё во все глаза, как будто только увидел.

– Ничего, папа. Я доверяю вашему с матушкой суждению. Напиши мистеру Уильяму Лоджу, что я согласна. А сейчас я пойду отдыхать. Что-то мне нездоровится, – Луиза поцеловала отца и ушла в свою комнату. Поцелуй её был холоден как лёд, словно она собиралась заморозить.

А ночью у неё начался жар. Из ближайшего к Брайтсдейлу города, был вызван доктор, а вскоре и матушка в срочном письме. Но мисс Бентам не приходила в себя, и доктор приказал уже готовиться к худшему. Две болезни за такой короткий срок сможет перенести разве что очень крепкий организм, но никак не женский – разводил руками доктор и разрешил позвать священника. Но мистер Бентам не сдавался. Он вызвал лучших докторов из другого города. Но и они не смогли помочь, не давая, впрочем, окончательного ответа. Все надеялись на чудо. Прошло шесть долгих дней, и вот ночью случился кризис, после которого стало ясно, что чудо

всё-таки произошло, и мисс Бентам будет жить. Как радовались отец с матушкой – сложно описать словами.

И вот, через неделю, Луиза уже смогла вставать с постели и немного ходить. Хотя слабость ещё сильно донимала её. Но она очень изменилась. Былой задор исчез, лицо побледнело и осунулось, глаза больше не горели. Отец не мог понять, что с ней. Доктора говорили, что это последствие болезни. Луиза же только криво улыбалась на такие предположения. Лучше бы она так и не встала с постели!

Но время шло своим чередом. Отец надумал собираться в Лондон, и Луиза настояла на том, чтобы ехать с ними. И вовсе она не слабая. Отец побоялся расстраивать горячо любимую дочь, которую всё же очень боялся потерять, поэтому согласился взять её в Лондон и даже познакомить с будущим женихом – мистером Лоджем.

Сборы были короткими. У матушки уже всё было готово. И всего через пару дней после такого решения, они выехали в Лондон. Вот же превратность судьбы! Попади она в Лондон до этой страшной встречи с мистером Бронли и миссис Алонзо, она была бы просто невероятно рада случившемуся и развлекалась в полной мере. Но сейчас даже дорогие лавки и светские рауты не радовали Луизу. Она равнодушно смотрела на витрины дорогих магазинов, либо опускала голову вниз и не обращала внимания вообще ни на что. То, что имело для неё значение, похоронено навсегда где-то в глубине души. А всё остальное не имело значения. Она словно бы

умерла, не обращая внимания ни на что, вокруг себя. Лишь одна мысль владела ею – выйти замуж и доказать мистеру Бронли, как он был неправ. Мисс Бентам даже не сознавала, насколько эта мысль была безумна и бессмысленна. Она просто овладела ею полностью, так, что ни один довод рассудка не пробивался сквозь эту крепкую броню.

Наконец-то, после трёхдневного пребывания в Лондоне, отец сказал ей, что сегодня к ним в гости придёт мистер Лодж. Луиза восприняла это с абсолютным равнодушием, словно и не её выдавали замуж. Но спустилась к себе в комнату, чтобы переодеть платье и сделать причёску. Она должна выглядеть хорошо, чтобы мистер Лодж поскорее сделал ей предложение. Когда горничная одела её и уложила волосы по последней моде, Луиза призналась сама себе, что всё ещё недурна собой и что Генри лгал, намеренно и нагло. Цвет платья и плетение волос лишь оттеняли бледность её кожи и худобу, проявившуюся после болезни.

В таком виде она спустилась в гостиную. Ровно в пять, как дядя и приглашал его, явился мистер Лодж. «Хм, а мой жених, оказывается, пунктуален», – подумала Луиза. Мистер Лодж оказался мужчиной среднего роста, на вид лет двадцати пяти, и уже сейчас было видно, что он склонен к полноте. Он поздоровался с её отцом, потом с матушкой и наконец подошёл к ней. Представившись, он галантно поцеловал ей руку и, видимо, был ей очарован, поскольку не сводил с неё глаз всё время, что находился у них в гостях. Луиза с неко-

торым отстранённым удовлетворением думала об этом. Но сам мистер Лодж должного впечатления на неё не произвёл и, хотя, она как и положено, отвечала на его ухаживания, в сердце её было пусто. Ни одна струна не отзывалась на речи Уильяма Лоджа. словно бы после Генри она разучилась любить, отдав все силы и мысли недостойному этой милости.

Правда, мисс Бентам, не будь глупой девушкой, сразу поняла, что мистер Лодж достаточно жёсткий человек. Под маской безукоризненных манер и видимой доброты скрывалась властность и, может даже, жестокость. Он хотел быть полновластным лидером и единственным хозяином надо всем, чем он обладал. Ну и пусть! Ничего не имело значения после предательства Генри.

Прошло несколько дней. Она по прежнему ела, спала, ходила, куда её просили и отвечала, когда спрашивала, но в сердце по-прежнему было пусто. Мисс Бентам закаменела в своём горе и с полной отдачей эгоистичного разума, предавалась ему. Она встречалась с мистером Лоджем, разговаривала с ним, мило улыбалась, пытаясь очаровать, и, когда через две недели после их встречи в Лондоне, он по всей подобающей форме сделал ей предложение, она, конечно же, ответила согласием. А как могло быть иначе? Да и должно ли быть?

Отец с матерью порадовались за неё и пожелали счастья. Ведь лучшей партии для дочери они и представить не могли. Матушка сказала ей, чтобы она не боялась, ведь они с отцом

полюбили друг друга только через несколько лет после свадьбы. Луиза слушала её речи и только криво улыбалась. Полюбила... Зачем? Разве будущему мужу нужна её любовь. В первый же день помолвки он казал ей:

– Дорогая Луиза, я вижу вы девушка серьёзная и прагматичная. Романтические бредни о вечной любви между супругами не владеют вашей душой, и мне это очень импонирует. Ибо я человек сухой по натуре, люблю числа и охоту, а ещё требую беспрекословного подчинения. Но в ответ я дам вам положение в обществе, состояние и спокойную жизнь, свой дом и относительную свободу. Вы сможете менять наряды, сколько вашей душе угодно, а ещё устраивать балы, посещать ваших многочисленных родственников и Бог знает, что ещё. Я думаю, вы полностью разделяете мои взгляды, – его голос не терпел возражений.

– Да, конечно, дорогой Уильям, – пустым бесцветным голосом ответила Луиза. В конце-концов, какая разница, что ещё придёт в голову её мужу. Она сможет ужиться с ним, сможет дать ему то, что ему надо, а это действительно счастье. Зачем гоняться за призраками?

– Вот и замечательно! – Обрадовался мистер Лодж.

С этого дня началась их подготовка к свадьбе. Точнее готовились к ней только отец и матушка. Сама же Луиза вела себя благоразумно и так образцово, что походила на машину с хлопковой фабрики. Даже матушка заметила, что с ней что-то не так и начала задавать вопросы. Но мисс Бентам

нетерпеливо отмахивалась от них, отвечая, что всё просто прекрасно и замечательно. Ничто не интересовало её – ни приданное, ни обед по случаю её помолвки, а потом и свадьбы. Словно не её выдавали замуж, а кого-то другого.

Луиза действовала так, как поступали героини тысяч и тысяч романов, прочитанных ею. Тех пустых романов, в которых от несчастной любви девушка топится в реке, а обманутая или брошенная возлюбленным – жестоко мстит ему тем... что выходит замуж за другого. Так что ничего оригинального будущая миссис Лодж и владелица Блэкберри Холла не придумала. Но в ней, к слову о чести, не владело даже чувство мести. Нет, словно, всё перегорело в душе, не оставив места ни для чего другого.

В день свадьбы Луиза плохо понимала, что происходит и почему столько карет собралось у входа в церковь. Не о такой свадьбе она мечтала, когда думала убежать с Генри. Но так было нужно, и Луиза бестрепетно пошла под венец с почти незнакомым человеком. Она будет ему образцовой женой. А то, что говорят о любви – просто чушь. Слишком романтическая, чтобы в неё верить. Главное – статус и положение. Так она твердила себе во время свадьбы и так продолжала твердить ещё много лет спустя после неё. По окончании церемонии молодые отбыли в Блэкберри Холл. Обнимая отца и матушку, Луиза думала лишь об одном – узнает ли Генри когда-нибудь о том, что она вышла замуж. И если узнает –

не всё ли равно ему будет? Ему, который так легко играл её чувствами? Новоиспечённая миссис Лодж искала ненависти в своём сердце, но не находила её. Сердце было пусто и свободно.

А дальше началась обычная семейная жизнь со своими радостями и печалью. Только она сильно отличалась от жизни той, о которой Луиза так мечтала. В доме мужа всё было подчинено строгому распорядку. А все дни на неделю вперёд были расписаны с точностью до минуты. Придёшь на завтрак на минуту позже и в качестве штрафа мистер Лодж мог оставить вообще без завтрака, даже свою жену. Так он приучал к порядку. Но для Луизы, которая сама убедила себя, что все радости жизни для неё потеряны и добровольно пошла замуж за человека, которого не любила и не знала, такие наказания не имели значения. Она приучилась через какое-то время слушать мужа. Горе её прошло, заставив душу огрубеть и очерстветь. Отныне ничто её не трогало. Мисс Лодж усмехалась, когда на балу, за её спиной шептали, что она очень красива... как ледяная королева. Она была не против такого сравнения, оно даже льстило ей. Она приучилась называть мужа «дорогой Уильям» и выполнять любые его прихоти и капризы (благо у него, как у человека рационального, их было немного). И она чувствовала, что мистер Лодж доволен ею и не жалеет о сделанном выборе. Что-ж, большего ей было и не надо. В конце-концов, рано или поздно, она

родит ему наследника и тогда со всей страстью отдаст свою любовь ему.

Блэкберри Холл не был майоратным именем, но мистер Лодж не любил девочек. Он хотел и требовал от своей жены (что было не вполне разумно) рождения именно наследника, предупредив, что в случае рождения дочерей, имение после его смерти перейдёт к его племяннику – только родившемуся мистеру Джеймсу Каммингу. И Луиза смирилась. А что она могла? Мечты о будущем наследнике заняли все её мысли.

А мистер Лодж потихоньку вводил её в круг своих знакомых. В один из ненастных осенних дней, он вернулся с охоты не один, а с мужчиной, чуть старше его:

– Дорогая Луиза – это мистер Роберто Треверс. Принимай всегда его и его родственников в доме, как желанных гостей, хоть они и не ровня нам по положению, – добавил он шёпотом, а потом сказал уже громче. – Потому что мистер Треверс спас мне жизнь. Моя кобыла, Майка испугалась выстрелов и понесла. Хотя раньше с ней никогда такого не наблюдалось, и если бы не этот молодой человек, ты дорогая жена, осталась бы вдовой.

– Как это ужасно! – Возмутилась Луиза. А сама поймала себя на странной и страшной мысли, что не была бы ни капли расстроена, если бы её муж погиб на охоте. А даже наоборот... Подумав об этом, она покраснела от возмущения на себя, но мистер Лодж решил, что она смущается общения с незнакомым человеком, поэтому милостиво ей улыбнулся.

Мистер Роберт Треверс вообще-то понравился ей. Хотя, на её взгляд, чем-то неуловимым, он до боли напоминал ей Генри, того Генри, в которого она имела глупость влюбиться. Правда в мистере Треверсе решительности было хоть отбавляй, а ещё правдивости и искренности. Ей казалось, что он то никогда не будет лгать своей любимой, будто любит её. Но мистер Треверс был уже женат. Дома ждала его красавица жена и маленький сынишка. Переночевав в Блэкберри Холле, на следующее утро, он отправился домой. Луиза печально вздохнула. Наедине с мужем было невыносимо скучно и одиноко, ещё более одиноко, чем в отцовском доме. Со скуки она пристрастилась к визитам в гости, где просиживала по несколько часов, сплетничая обо всех мелких и не очень новостях. Всё то, что она раньше терпеть не могла, сейчас приносило ей хоть какую-то радость. Ну и, конечно, она ждала наследника, со всем трепетом материнского сердца, на который была способна. Ребёнок одним своим движением мог развеять скуку.

И вот, наконец, этот счастливый день настал. Луиза благополучно разрешилась от бремени, правда не долгожданным мальчиком, а девочкой, но такой прелестной и милой! Девочку назвали Мэри и она как две капли воды была похожа на саму Луизы. Словно ничего от отца не взяла себе.

Но сразу же после родов, когда миссис Лодж немного оправилась и самозабвенно играла с ребёнком в её колыбели, в комнату вошёл Уильям. Он поцеловал жену, прикоснулся

для вида губами к щеке дочери, а потом сказал:

– Дорогая Луиза, помнишь мы говорили с тобой, что если родится дочь, то я вынужден буду завещать своё имение племяннику – Джеймсу.

– Но дорогой Уильям, неужели ты не можешь изменить своё решение, взглянув на неё. Она так мила!

– К сожалению нет! – Мистер Лодж строго посмотрел на жену, как бы намекая, что споры в своём доме он не приемлет. – Кем бы я тогда был, если бы так легко нарушал свои обещания. Вчера приходил нотариус, и я переписал имение на маленького мистера Камминга. Но я думаю, у нас впереди ещё много лет благотворной супружеской жизни. Рано или поздно, наследник родится, так что тебе не о чем унывать. Да и девочка не так плоха, как мне сначала казалось, – сказал Уильям, посмотрев на дочь с чем-то вроде заржавелой улыбки на прагматичном лице.

– Хорошо дорогой, как скажешь! – Тихо сказала Луиза, внутренне кипя от гнева. Кто знает, что может случиться? И тогда они с дочерью останутся на улице. Ведь имение её родителей было майоратным. И тогда по наследству ей останется только Брайтсдейл. Но она ненавидела этот маленький домик в глухой местности. Ведь там, неподалёку жил мистер Бронли со своей новоиспечённой женой. А то, что они поженились, почти в тот же день, что и она с Уильямом, она узнала из газеты. Сейчас у них, должно быть, родился первенец, если вдовушка не слишком стара для этого. С ехидцей

подумала миссис Лодж.

И потянулись дни. Нет, не однообразные, но насыщенные и наполненные её Мэри. Правда Луиза через пару месяцев после родов поняла, что слишком уж любит свою дочь. Вся жизнь, казалось, для неё теперь заключена только в дочери. Она испугалась такого своего чувства. У миссис Лодж, урождённой Бентам не должно быть слабостей, после того случая, никогда! И она спрятала свою любовь к дочери где-то глубоко в сердце, заменив её строгостью и излишней требовательностью. Муж не вмешивался в её методы воспитания, предоставляя в этом полную свободу. У него было лишь одно условие – чтобы маленькую Мэри было не слышно и не видно, и чтобы она не путалась под ногами. Вечером он заходил в детскую, чтобы неизменно пожелать доброй ночи дочери и жене.

В один из пасмурных, непогожих осенних дней, Луиза, занятая дочерью, не сразу заметила, что пунктуальный всегда Уильям, не сошёл к ужину. Она постучалась в дверь его кабинета, но она оказалась закрытой. Тогда она позвала прислугу. Выломав дверь, они увидели мистера Лоджа, лежащего посреди комнаты. Был вызван доктор, который констатировал, что смерть наступила пару часов назад в результате удара, который наверное произошёл от излишней полноты мистера Лоджа. Миссис Лодж заплакала, для порядка, но в её окаменевшем сердце не нашлось даже жалости для того,

кто столько лет был её мужем. Сейчас её больше волновала судьба дочери. Что будет, если их выгонят из Блэкберри Холла? Куда они пойдут? Но нотариус успокоил её, сказав что до её смерти, по завещанию, имение будет принадлежать ей. Что-ж! Теперь у неё остаётся лишь одна цель в жизни – вырастить дочь, достойной себя и научить её не доверять любви, что так настойчиво стучится в двери!

После похорон, миссис Лодж так и не сняла траур. Он очень шёл ей. К тому же ей отчасти нравилось играть в эту игру, которая называлась вечная скорбь по покойному мужу. Это избавляло её от ненужных распросов и предложений. Она строила из себя жену, убитую смертью «дорогого Уильяма». И хотя она являлась сейчас завидной богатой вдовой, выходить замуж второй раз миссис Лодж вовсе не хотелось. Она старалась не появляться на балах и раутах, или приходила лишь только в чёрном, оставив любимую дочь няне и гувернантке. Вскоре про неё забыли, и ни один мужчина не пытался больше к ней свататься. Этого она и добивалась. Её сердце перегорело. От ненависти к Генри больше ничего не осталось. Но его предательства она не могла ни забыть ни простить. Может быть, она забудет его, к концу жизни, когда все страсти улягутся и она забудет, как это – на краткий миг любить и быть любимой. Может быть. А пока... Жизнь покажет...

Часть 1 Глава 1

– Миссис Кирк, вы знаете, что Колин Треверс приехал? – Спросила миссис Уинсли у своей соседки. Обе дамы были слегка полноваты, среднего возраста и имели довольно добродушный характер, который и полагалось иметь таким почтенным матронам. Однако миссис Уинсли предпочитала лиловый цвет в одежде, в отличие от миссис Кирк. Та больше любила тёмно-зелёный. Даже её чепец, аккуратно завязанный под подбородком, был зелёного цвета.

– О, да, приехал, без гроша за душой. – Ответила миссис Кирк, закивав головой, в подтверждение своих слов так усердно, что её чепец опасно заколыхался.

– Его отец умер, ничего ему не оставив, и ему даже пришлось продать имение, чтобы покрыть долги. Говорят, он купил домик в Н. – Полушёпотом поведала эти сведения миссис Уинсли.

Дамы переговаривались, сидя в гостиной у миссис Луизы Лодж. Они были здесь на правах постоянных гостей под особым покровительством хозяйки. Сама же хозяйка, строгая и величественная, в неизменном чёрном платье (траур она не снимала с того времени, как умер её любимый Уильям) восседала в кресле у камина, поставив ноги на скамеечку, и милостиво принимала гостей. Её элегантный чёрный наряд дополняло тяжёлое агатовое ожерелье. Миссис Лодж

была хороша даже сейчас, в своём трауре. Но её красота такая мрачная и ледяная, скорее отталкивала, чем привлекала. Она словно сошла с одного из портретов на каминной полке в гостиной.

Гостиную, большую и просторную, с тяжёлой старинной мебелью из красного дерева, портили мрачные тона. Кушетка и кресла были обтянуты пурпурной тканью. Под цвет им подходили и шторы на окнах. Они казались такими тяжёлыми и массивными, что луч света, словно с трудом проникал сквозь это обилие ткани. Но там, куда всё-таки попадал этот луч, он выводил на свет Божий странное сплетение виноградных лоз и львиных голов золотого цвета на старых, тёмных от времени, тканевых обоях. Над камином висел портрет Георга II, а на каминной полке располагались в ряд небольшие, но выполненные вероятно искусным художником, портреты бабушек, прабабушек и дальних родственниц миссис Лодж. На противоположной стене висела картина, изображавшая покойного Уильяма Лоджа в полный рост, в охотничьем костюме. Следом за ним шла череда его дальних и ближних родственников. Это по воле миссис Лодж гостиная после его смерти превратилась в своего рода картинную галерею. А Мэри, дочери миссис Лодж, иной раз приходило на ум и более мрачное сравнение – фамильный склеп.

Мисс Мэри Лодж не любила гостиную с её мрачной, тяжёлой мебелью, сполохи огня из камина на тёмных обоях, картины гордых и холодных родственников. Ей было тут

неуютно и даже немного жутко. Казалось, что стены помещения давят, создают зловещую атмосферу, так похожую на какой-то старинный склеп. Но по матушкиной прихоти именно в этом склепе она проводила иногда большую часть своего времени: принимала гостей, читала матушке или разговаривала с ней. Когда миссис Лодж посещали соседи (а это случалось почти каждый день), Мэри занималась или вышиванием, или отделкой какой-нибудь очередной шляпки, мысленно негодуя на свою обязанность присутствовать при этом событии. Лучше бы она отдохнула в своей комнате или почитала очередной роман.

Романы были любовью девушки. Все глупые английские и французские дамские дешёвые романы читались и перечитывались не раз и не два. Мэри украдкой проливала слёзы над ними, свернувшись как кошка, в своём любимом кресле в спальне и обхватив руками колени. Героями её терзаний были короли и принцы, герцоги и герцогини, благородные разбойники и коварные шпионы. После таких романов, Мэри любила мечтать о прекрасном принце, который внезапно ворвётся в её жизнь и увезёт её далеко-далеко. Но, увы! До сих пор ничего такого с ней не случилось.

И Мэри приходилось, смирившись с действительностью, тратить драгоценные часы своей жизни в гостинной. Вот и сейчас она тихо сидела на кушетке, делая вид, что прилежно вышивает. Мысли же её блуждали далеко отсюда. Когда Мэри так мечтала, её можно было даже назвать красивой, хо-

тя никакой особой красотой она не выделялась. Но от её лица, от всей её фигуры веяло детской свежестью и чистотой. Можно было предположить, что эта девятнадцатилетняя девушка однажды разовьётся, раскроется, как роза из бутона.

Сейчас же мисс Лодж ничем особым не отличалась от своих прелестных сверстниц. Она не была очень талантлива или образованна – немного умела играть, немного петь, обладала приятным голосом, немного умела рисовать, неплохо говорила по-французски, вот, пожалуй, и всё. Правда её живость, стремление обо всём иметь собственное мнение, детская доверчивость, качества, которые она, едва ли, в себе замечала, придавали ей большую привлекательность.

Внезапно, Мэри от её мыслей, отвлекли громкие и возбуждённые голоса. Это разом заговорили дамы, а к ним присоединились и голоса их дочерей, которые до этого времени сидели молча. Миссис Уинсли и миссис Кирк всегда старались брать с собой в гости своих "девочек", чтобы они поучились хорошим манерам. Ибо они свято верили, что общение с Лоджами, стоявшими по богатству и знатности выше их, несомненно принесёт дочерям пользу. Вот и сегодня в гостиной у хозяйки Блэкберри Холла сидели семнадцатилетняя Шарлотта Кирк и её подруги Элеонора и Диана Уинсли, шестнадцати и восемнадцати лет.

– Что там у вас происходит? – спросила миссис Лодж, свысока.

Ей доставляло огромное удовольствие общаться с мест-

ными почтенными матронами и их дочерьми и бесконечно слушать мелкие, но очень интересные сплетни. Поэтому она приблизила к себе и обласкала несколько семей из мелкой знати, живших в сельской местности около Блэкберри Холла. Это было её самое главное развлечение после смерти дорогого супруга, и в нём она никак не могла себе отказать.

– Ах, Боже, сюда идёт мистер Камминг! – восторженно прошептала Шарлотта Кирк, экзальтированная девица, выгодно отличавшаяся красотой от своих подруг.

– Он душа, не правда ли? – в тон ей ответила старшая мисс Уинсли.

– Просто красавец! – Успела прошептать Шарлотта, до того, как строгий взгляд матери остановил её.

– Мэри, дочь моя! – позвала миссис Лодж.

– Да, матушка.

– Поправь причёску и отложи своё вышивание. К нам идёт мистер Камминг. Будь пожалуйста, с ним повежливее!

– Хорошо. – Мэри отложила на диван сложное сплетение виноградных лоз на белой канве и приготовилась к встрече мистера Камминга.

Джеймс Камминг ей нравился, но не более того, хотя она знала, что мать прочит его ей в женихи. По иному и быть не могло – Джеймс приходился ей кузеном. А по завещанию отца имение принадлежало им только до смерти матери. После этого оно неизбежно должно было перейти Джеймсу. И хотя миссис Лодж надеялась, несмотря на своё слабое здо-

ровье, прожить ещё многие годы, она хотела точно знать, что имение и после смерти будет закреплено за дочерью – в браке с мистером Каммингом – и считала это дело решённым. Она не раз сетовала на своего дорогого Уильяма за то, что он не закрепил имение за дочерью. Но он так разозлился после рождения дочери, что и до смерти не смог простить свою жену и ни в чём неповинного ребёнка. А умер он тогда, когда Мэри ещё шаловливо лепетала что-то на своём детском языке. Он не успел узнать и полюбить дочь.

Мэри всё это знала, но не беспокоилась. Она (и в этом состоял конечно недостаток её воспитания) не задумывалась о будущем. Оно казалось ей таким далёким и безоблачным. Она никогда не знала ни лишений, ни бед. И бедность не коснулась её своим холодным крылом. И разумеется (а по-другому и быть не могло), всё утрясётся как-нибудь, само собой. Мэри догадывалась, что даже после смерти матушки ей останется какая-то сумма, на которую она несомненно сможет прожить. Но это всё было так далеко, а она была так беспечна и уверена, что никакие несчастья не коснутся её! К тому же Мэри, твёрдо верила, что и к ней когда-нибудь придёт большая любовь, и решила для себя не выходить замуж, кроме как по взаимному влечению, иначе называемому той самой любовью. Но пока матушка молчала и не торопила Джеймса делать ей, Мэри, предложение, она радовалась жизни и приходу кузена, которого считала хорошим другом, и не видела причин скрывать эту радость.

Поэтому девушка приветливо встала навстречу к Джеймсу, когда он вошёл, и завела с ним разговор о современных книгах и о романах некой Лактриссии Л., ныне очень модной. Это была её любимая тема – обсуждать прочитанные книги. И кузен всегда отвечал ей со знанием дела и даже не без остроумия и поддакивал, когда ответа не требовалось. Вообще, в их разговоре не было ничего личного, и Мэри говорила достаточно громко, не скрывая своих слов от жадных до сплетен ушей миссис Уинсли и миссис Кирк. Их мирную беседу прервал приход слуги:

– Прошу прощения, миссис Лодж, приехал полковник Фарджел со своим другом, мистером Треверсом, засвидетельствовать своё почтение.

– Пусть войдут.

– Треверс... Как только наглости хватило! – Возмутилась миссис Кирк. Шарлотта, соглашаясь с матерью закивала головой, как игрушечный индийский болванчик. Смотреть на неё было смешно. Не повзрослев ещё умом, Шарлотта копировала кстати и не кстати все поступки своей матери и соглашалась с каждым её словом, выглядя при этом достаточно глупо. Матушка презирала мистера Треверса за его нынешнюю бедность, и дочь старалась поступать также.

Мистер Треверс не был совсем чужим здешнему обществу. Отец его оказался давним другом супруга миссис Лодж, но по состоянию здоровья лет за пять до смерти он прекратил все сношения с Блэкберри Холлом. И вот теперь

его разорённый сын пришёл засвидетельствовать своё почтение. Миссис Лодж очень заинтересовало такое положение вещей. И она встала с кресла, повернувшись к вошедшим джентльмена.

Полковник Фарджел приходился троюродным племянником (или что-то вроде этого) миссис Лодж. Он был достаточно умён и при этом не превозносился своим умом. Высокий, среднего возраста, добродушный, с рыжими усами и бакенбардами, с приветливой улыбкой и учтивыми манерами, он производил положительное впечатление на всех, кто имел честь общаться с ним.

Но не таков был мистер Треверс. Дамы, сплетничавшие в гостиной, разом замолчали, миссис Лодж выпрямилась, а Мэри и Джеймс прервали разговор, когда он вошёл и осмотрел быстрым взглядом комнату. Он был высок и хорошо сложен, гордо посаженная голова, острый взгляд, упрямо сжатые губы – всё говорило о твёрдости характера и, казалось, некой гордости. Мистер Треверс выглядел так, словно не он остался без денег и вынужден был продать отцовское имение, а наоборот, все здесь сидящие являлись его должниками. И хотя ему было от силы лет двадцать пять, выглядел он старше своих лет.

– Добрый день, миссис Лодж, – начал полковник Фарджел. – Я и мой друг, мистер Треверс, только недавно вернулись в Англию и почли своим долгом сразу, не откладывая, приехать к вам и возобновить те родственные и дружеские

узы, что связывали наши семейства.

Миссис Лодж благосклонно ему кивнула. Мистер Треверс поклонился хозяйке дома, но по-прежнему не проронил ни слова. Он продолжал стоять с гордым видом, насмешливо взирая на окружающих.

Мистер Камминг, заинтересовавшись гостями, извинился перед Мэри и поспешил к прибывшим джентльменам.

– Мистер Джеймс Камминг, очень рад видеть вас в наших краях.

– Полковник Эндрю Фарджел, мистер Колин Треверс, – отозвался дружелюбно полковник Фарджел. Мистер Треверс только молча поклонился. – Я много слышал о вас. Вы, кажется, прекрасный охотник.

– О да, сэр! И мои угоды всегда к вашим услугам, – ответил польщённый мистер Камминг.

Далее последовал взаимный обмен любезностями. Полковник был очень рад встретить такого же увлечённого охотника, как и он сам. Они остались обсудить оружие, дичь, охотничьи угоды. Миссис Лодж слушала их с тайным удовольствием. Её покойный супруг был прекрасным охотником и одно время она тоже очень увлекалась охотой. Миссис Уинсли и миссис Кирк так же увлечённо что-то обсуждали. Приход двух джентльменов дал новую пищу их разговору.

Мэри осталась сидеть на диване, где её покинул Камминг. Она хорошо знала полковника Фарджела, но мистера Треверса видела впервые. Когда полковник и мистер Камминг

подошли к миссис Лодж, он какое-то время ради приличия поддерживал разговор, но вскоре, с трудом сдержав зевоту, отошёл к окну и оказался почти рядом с девушкой. Она не нашла себе занятия после ухода Камминга и поэтому со скуки начала рассматривать мистера Треверса. Момент был выбран удобный – джентльмен как раз с интересом изучал пейзаж за окном и, казалось, не смотрел в её сторону. Мэри он, скорее, понравился – высокий, мрачный, гордый и молчаливый, он принёс что-то новое в скучное однообразие её будней, состоявших из музицирования, чтения, рисования, да изредка визитов в гости. Мэри очень любила наблюдать за людьми, изучать их природу, поступки и речь. Ей это доставляло большое удовольствие за неимением иногда более благородного занятия. Она задумалась, когда резкий, но тихий голос внезапно оторвал её от своих мыслей.

– Ну что, вы достаточно долго наблюдали за мной. Я думаю, вы нашли во мне то, что хотели? – мистер Треверс повернулся к Мэри и его насмешливый и немного презрительный взгляд остановился на ней.

Мэри покраснела и потупилась:

– Простите, сэр!

– Колин Треверс, – поклонился вместо ответа он.

– Мэри Лодж.

Наступило молчание, в котором мистер Треверс всё так же насмешливо и, словно выжидающе, смотрел на Мэри. А она, ещё больше краснея от досады, не могла ему ответить

ничего вразумительного. Да уж, пренеприятнейший человек! Всё это правда, что она слышала о его злоязычии, гордости и высокомерии. Благо, сказан этот маленький диалог был достаточно негромко, матушка и гости были заняты друг другом, и за парой невольных знакомых никто не наблюдал. Наконец, полковник Фарджел заметил их неловкое положение и преодолел довольно внушительное пространство гостиной, чтобы произнести:

– Треверс, дорогой, я забыл вам представить мисс Мэри Лодж. Это непростительно с моей стороны, потому что я забрал её кавалера и оставил её, бедняжку, томиться в обществе такого нелюдима, как вы.

– Спасибо, Эндрю, но мы уже знакомы, – прервал его словоизлияния Треверс.

– О, тогда всё прекрасно! Но боюсь, вы были не очень хорошим собеседником, если мисс Лодж стоит со скучающим видом. Мисс Лодж, прошу прощения за необщительность моего спутника.

– Ничего, мистер Фарджел, я вовсе не скучала, пока вас не было, – ответила, мило улыбнувшись Мэри. Интересно, как бы он извинялся за друга, знай он о его непростительной дерзости?

Полковник Фарджел отошёл от них и продолжил свой разговор с Каммингом и миссис Лодж, вполне удовлетворённый ответом Мэри. Она же опять осталась наедине с мистером Треверсом. Не зная, куда деться и как прервать это неприят-

ное затянувшееся молчание, она краснела от досады на себя, но не могла заговорить. Мэри хотелось присоединиться к гостям, она робела перед мистером Треверсом.

– Вы, мисс Лодж, наверное, жалеете, что мы лишили вас общества вашего жениха, а вместо этого навязали своё, которое вам явно не интересно. Что ж, я могу уйти развлекать вашу матушку. Но боюсь, попросить мистера Камминга вернуться – не в моей власти. – Продолжил разговор мистер Треверс. Его холодные, серые, с каким-то льдистым оттенком, глаза, насмешливо блестели, словно вызывая на грубость.

Мэри вывел из себя этот тон мистера Треверса. Что он о себе возомнил! Почему он, совсем чужой ей человек, имеет право так с ней разговаривать? Она не позволила бы такого даже близким друзьям.

– Джеймс не мой жених! Он мой кузен и я вовсе не собираюсь за него замуж! – пылко ответила девушка.

Всю робость перед Треверсом как рукой сняло. Сейчас она была, пожалуй, даже красива в своём гневе. Глаза её возмущённо блестели, щёки пылали, рот – упрямо сжат. Русый локон, выбившийся из причёски и непослушно свисавший на глаза, дополнил картину.

Девушкой можно было залюбоваться. После небольшой паузы, мистер Треверс уже тише ответил:

– Но ваша матушка, полагаю, другого мнения. Ей очень нравится ваш кузен.

Мэри невольно повернулась туда, где Камминг и Фарджел развлекали миссис Лодж, и увидела, с каким самодовольством та смотрела на Джеймса, пока он с ней разговаривал. Да, матушка навряд ли разрешит ей выйти замуж за того, кого она, Мэри, полюбит. Девушка на минуту задумалась об этом, и лицо её омрачилось.

Треверс не мог знать, какие мысли или воспоминания вызвал он к действию своими словами, но, увидев, как поменялось лицо девушки, произнёс:

– Пожалуй, я был слишком дерзок, напомнив вам что-то неприятное, – невольно его голос зазвучал мягче, а в глазах пропала насмешка. Минуту назад он готов был смеяться над всем миром. Но встретив чистое юное существо, которое он внезапно разгневал своей дерзостью, мистер Треверс усмирил свой характер.

– Нет, ничего такого, о чём мне было бы неприятно вспомнить, – ответила уже спокойно Мэри. – Боюсь, что вы заставили меня задуматься, а это не слишком приятное занятие для такой девушки, как я. Ум девушку не красит.

– Почему же?

– Ну так обычно считается. Ибо она начинает обо всём иметь своё мнение, а оно не всегда совпадает с общепринятым.

– Так какое же сейчас вы подумали мнение, отличное от общепринятого?

– Боюсь, вам оно придётся не по нраву.

– И всё же я охотно его выслушаю.

– Я подумала, что грешно заставлять девушку выходить замуж, только потому, что для обоих это считается выгодной партией. А потом придавать этому вид любви и до конца жизни нелепо следовать этому виду.

– А что, вы считаете лучшим не следовать виду и жить, не соблюдая приличий?

– О нет! Я вовсе ничего такого не имела в виду! Просто я не люблю ложь и фальшь, мне противна неискренность в любом виде. А людям, живущим в таком супружестве, еже-часно придётся лгать друг другу, не отдавая даже в том себе отчёта.

– Так вы считаете, что брак возможен только по любви?

– Да, для меня ответ именно таков. И я считаю, что любящая девушка, если она честна перед собственной совестью, должна ответить также.

– О да, должна! Но многие ли из тех, кто так смело сейчас отстаивает свою точку зрения, проходят искушения богатством? Вы ещё слишком юны, чтобы рассуждать об этом. – В голосе мистера Треверса прозвучала неприкрытая горечь, а выражение лица стало суровым и грустным.

Мэри заметила эту перемену, но не стала задумываться, чем она вызвана. Она ответила мистеру Треверсу. Но ответ прозвучал тише. Пламя гнева, разгоревшееся в душе, внезапно угасло.

– Я так не думаю. Право рассуждать о чём-либо не зависит

от физического возраста человека, только от того, насколько он знает Божий закон и собственную натуру.

– Всё равно, вы слишком молоды и ваше мнение может измениться.

– Я надеюсь, что оно не изменится, иначе я бы сама себя не уважала.

Сказав это, девушка гордо подняла голову, но поймав на себе странный, испытующий взгляд мистера Треверса, заделась и опустила глаза. Она стояла так, стесняясь, не смея даже шевельнуться. Странная робость снова, как и в начале разговора сковала её. Мистер Треверс, кажется, внимательно, но молча изучал её. Она не успела спросить, какие он сделал выводы, когда их общение прервал полковник Фарджел. Он уже попрощался, и Треверс сразу присоединился к другу, тоже попрощавшись с Мэри. Ей показалось, что, уходя, он даже вздохнул с облегчением.

– Мы зайдём на следующей неделе, миссис Лодж!

– Я буду рада вас видеть снова. Да думаю, и Мэри с Джеймсом тоже.

– Я буду очень рад! – горячо поддержал эти слова Джеймс. – Не забудьте, полковник, вы можете охотиться в моих угодьях, сколько захотите. А вы, мистер Треверс, не любите ли охоту? – Джеймс повернулся к Треверсу, ожидая ответа.

– Боюсь, я разочарую вас, мистер Камминг – я мало смысла в этом деле.

– Ну в таком случае, всё равно, приходите вместе с вашим другом. Пока он будет охотиться, вас займёт миссис Камминг и моя сестра Маргарет. И, я думаю, вам не покажется тогда времяпрепровождение таким скучным, как сегодня.

– Я постараюсь прийти.

На этом джентльмены откланялись. Вслед за ними отправились по домам миссис Уинсли и миссис Кирк с дочерьми, бурно обсуждая сегодняшние события.

Глава 2

Весеннее солнце заливало ярким светом большую комнату. Несмотря на массивную старомодную кровать с балдахинном и пологом, потёртые кресла и тяжёлый туалетный столик с зеркалом и лепными золотыми херувимами на раме, комната казалась уютной. Она хотя и была обставлена в таком же стиле и тонах, как и ненавистная Мэри, гостиная, (а тёмные деревянные панели на стенах словно были созданы для того, чтобы навевать уныние), но тепло юной, свежей жизни чувствовалось здесь особенно, бросая какой-то новый отсвет на все предметы. Мэри привнесла в комнату дорогие сердцу краски. Яркая кружевная скатерть на туалетном столике, букет, перевязанных атласной ленточкой первоцветов в вазе, розовая девичья шляпка, небрежно брошенная на кровать, связка писем, вставленных между рамой и зеркалом, а на кресле – любимые романы – всё здесь дышало своей собственной нежной жизнью.

Девушка подошла к окну и открыла его. С наслаждением вдохнув запах весны, она подставила лицо ласковым солнечным лучам. Глаза её были закрыты, губы улыбались. Так она стояла несколько минут с мечтательным выражением на лице. Потом словно стряхнув с себя грёзы, достала из массивного комода дневник с обложкой из кожи, отделанной зелёным бархатом. Помедлив немного, она, устроив дневник,

перо и чернильницу на подоконнике, начала писать.

"Май, Блэкберри-Холл

Вчера, после ухода гостей, матушка совсем замучила меня своими отзывами и нравоучениями. Мне пришлось отвечать ей на вопросы так, как она хочет слышать, и поддакивать во всех её суждениях. Если бы я этого не делала, у неё бы начался очередной приступ мигрени. Как же я устала от этого!

Мне так хочется хотя бы немного отдохнуть от всей этой фальши, помечтать! Надоели все эти светские этикетки и разговоры ни о чём. У меня было вчера такое неприятное ощущение, что мы выглядим как марионетки. Говорим одно и то же, ходим по заведённой программе. А мистер Треверс смотрит на всех нас свысока и смеётся над каждым нашими поступками и движениями. С одной стороны – это, конечно, отвратительно, так смеяться надо всеми. Но с другой стороны, (и это как раз самое страшное!) он ведь в чём-то прав. Эта фальшь душит меня. Я хочу побыть самой собой, без притворных фраз о здоровье и погоде, без ложных улыбок и сплетен.

Но и мистер Треверс вызывает у меня отвращение своей презрительностью, которая в нём не знает границ, как будто он презирает весь мир, и смотрит на всех с высоты своей гордости. Хотя ведь он почти нищий и ему нечем гордиться. Отец его умер банкротом. И, говорят, что у него нет денег даже на прислугу. Только старая кухарка, она же экономка, готовит ему. И поэтому мистеру Треверсу даже приходится

иной раз самому разжигать камин!

Но даже его бедность не является оправданием в его дерзости. Нельзя смеяться над людьми только из-за того, что они поступают так, как принято, а не как хотелось бы!

Хотя есть в этом человеке что-то интересное, необычное, что выделяет его из других людей. И какая-то странная печальная резкость в голосе. Наверное, он очень горевал по своему отцу. Но, что бы я там не думала, он явно не герой моего романа".

Помедлив, Мэри отложила перо в сторону. Она никогда не умела связно излагать свои мысли так, чтобы получилось достоверное описание событий. Скорее, она записывала свои чувства, да и то только потому, что её с детства приучили к ведению дневника. А чувства её формировались из чтения романов, которые не всегда воздавали должное простоте и хорошим манерам.

– Мэри, дочь моя! – Знакомый голос вывел девушку из царства грёз.

– Да, мама, уже иду.

Мэри вздохнула, закрыла окно и отправилась к матери. Та ждала её в своей спальне. Это была тёмная и душная комната, обставленная в общем мрачном стиле, характерном для старинного родового имения Лоджей. Но она, однако, отличалась от спальни Мэри, как старость отличается от молодости.

В комнате у Мэри пахло свободой и юностью, а здесь сто-

ял затхлый запах сырости. Никакие цветы или предметы туалета не оттеняли холодную чопорность этой комнаты. Стены были оклеены обоями ежевичного цвета (наверное, чтобы соответствовать названию дома). А над кроватью висели портреты, как будто перенесённые сюда из гостиной. Они располагались на стене точно в таком же порядке и представляли собой уменьшенные копии тех портретов. Миссис Лодж, казалось, доставляло странное удовольствие постоянно находиться под взглядами своих умерших родственников. Мэри же здесь чувствовала себя также неудобно, как и в гостиной.

Когда девушка вошла в комнату, миссис Лодж молча указала ей на стул рядом с кроватью. Мэри осторожно села, стараясь ни одним звуком не потревожить мать, которая страдала очередным приступом мигрени.

– Мэри, скажи Джону, пусть съездит за доктором. Но только пусть позовёт непременно мистера Сайлеса! Он точно знает, как мне помочь. Я всю ночь не спала. Мне так неприятны все эти перемены погоды, я всегда их тяжело переношу.

– Но, помилуйте, мама, какие же перемены? На улице яркое солнце и пахнет весной, и птицы поют! А у вас тут такой спёртый воздух. Думаю, и мистер Сайлес укажет вам на это. Может быть, открыть окно и проветрить дом? Вам сразу станет лучше.

– Ты хочешь, чтоб я простудилась? – и миссис Лодж на-

рочито громко закашлялась.

– Вовсе нет, мама.

Повисла неловкая пауза. Все попытки Мэри пробить ледяную суровость, с какой миссис Лодж относилась к дочери, оканчивались неудачей. Девушка знала, что мать её любит. Просто у ней своя, особенная любовь, которая не может выражаться в добрых словах и ласках, своё понимание добра и блага для дочери. Но иногда Мэри всё же было очень тяжело. Ей порой так не хватало этой любви и ласки. Она была похожа на цветок который растёт без солнечного света и тепла. Даже если такой цветок удобрять, ухаживать за ним, посадить его в прекрасную оранжерею и окружить уходом, но лишит тепла и света, цветок вырастет чахлым и слабым. Вот и в душе девушки жила какая-то странная, неосознанная, тоска по любви и теплу.

– Ты собираешься сегодня на прогулку? – Прервала затянувшееся молчание миссис Лодж.

Мэри промолчала, не зная, что ответить. Она собиралась сегодня к Маргарет, но не знала, как мать к этому отнесётся. Потому осторожно ответила:

– Я бы хотела сегодня прогуляться до Стоунса. Надеюсь, я вам не нужна, мама?

– Ты всегда убегаешь, когда я болею! Конечно, подруги тебе дороже родной матери! – миссис Лодж недовольно поморщилась. – Ладно, иди! Вам, молодым, конечно не понять нас, стариков, пока не придёт ваше время.

И миссис Лодж отвернулась к стенке, показывая, что разговор закончен. Мэри вздохнула с облегчением. Она бы осталась дома, с матушкой, помогла бы ей терпеть боль, дождалась бы приезда мистера Сайлеса. Но... она чувствовала, что не нужна матушке.

Переодев платье, Мэри вышла из дома и направилась в сторону Стоунса. Путь её лежал через сад, прилегавший к Блекберри Холлу.

Сад со всех сторон окаймляли буйно разросшиеся кусты ежевики. Отсюда, собственно, дом и получил своё название. Кусты к осени ломились от ягод, и слугам тогда находилось много работы. Но сейчас сад был наполовину запущен – пожилой садовник плохо справлялся со своей работой. Миссис Лодж держала его только из уважения к памяти покойного супруга – Уильям Лодж очень ценил старого садовника. Непонятно, правда, по каким соображениям миссис Лодж не взяла ему помощника. Но благодаря такому её решению сад, в отдалённых его уголках, был похож на непроходимый лес, где плющ обвивал старые плодовые деревья, кусты шиповника, сломанные упавшие ветки, а среди этой чащи робко блестя неброские полевые цветы. Если свернуть в эту чащу и пройти по малозаметной тропинке, то можно было выйти сразу к основной дороге, минуя длинную и такую скучную аллею с парадными воротами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.